

М. С. Козлова

Был ли Л. Витгенштейн логическим позитивистом?*

(К пониманию природы философии)

1. К постановке проблемы

Позитивизму как философскому унастроению присущи: *сциентизм* – вера в безусловный престиж науки, в превосходство научного знания над иными формами постижения мира; *эмпиризм* – признание решающей роли (в формировании и обосновании знания) информации, непосредственно получаемой в *опыте* (наблюдений, фактов), наконец, беспощадная *критика метафизики*, развенчание – как несостоятельных – притязаний философов на особо важную роль в познании мира. Эти три взаимосвязанные позиции, восходящие к О. Конт, легли в основу *логического позитивизма* – концепции, которая развивалась в рамках Венского кружка¹. В ней были соединены принципы *радикального эмпиризма* и строго-аналитические методы символической логики, успешное развитие которой – одна из черт XX в. Программа кружка была представлена в манифесте «Научное миропонимание» (1929). Основополагающими считались *логическое* учение Рассела и «Логико-философский трактат»² Л. Витгенштейна (1921). *Трактат* был встречен с воодушевлением. Лидеры движения (М. Шлик, Р. Карнап и др.)³ считали себя единомышленниками Витгенштейна. Об этом свидетельствует, например, известная статья Р. Карнапа «Преодоление метафизики логическим анализом языка»⁴, в которой каждый абзац, кажется, написан в разъяснение или развитие идей *Трактата*. Автор статьи нисколько не сомневался, что приверженцы *логического позитивизма* мыслят в том же ключе, работают в той же парадигме, что и Витгенштейн, т.е.

* В основу публикации положен доклад на Научной конференции: Интерпретация и перевод как способ бытия философского текста. МГПУ, январь 1999. Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 97-03-04255.

так же, как он – им казалось – превыше всего ценят науку и не приемлют метафизику. У большинства изучавших труд Витгенштейна и знакомых с идеями Венского кружка складывалось такое же впечатление. Рассел, Витгенштейн, Карнап воспринимались как философы одного типа, а название *логический позитивизм* – как соответствующее общему духу развиваемых ими позиций.

Пожалуй, прежде всего сторонникам логического позитивизма пришлось по душе осуществленные в *Трактате* разграничение *осмысленных* и *бессмысленных* утверждений и толкование первых как эмпирических повествований о фактах, а вторых – как не наполненных познавательно-информативным, фактуальным, содержанием (*смыслом*) псевдоутверждений. К таковым, т.е. *бессмысленным* по определению, были отнесены и *философские* положения. Развивая – на основе новейших достижений символической логики и идей *радикального эмпиризма* – учение *логического позитивизма*, члены Венского кружка объявили философствование алогичным, абсурдным, оценив его как дело никчемное и даже вредное, засоряющее науку да и просто разум человека *псевдопонятиями* и *псевдоутверждениями*. Время, однако, показало, что Витгенштейн не был их единомышленником, и главное, что существенно иным, далеким от позитивизма было его понимание сути, назначения философии⁵.

Смещение этих двух, внешне похожих, а на самом деле разных концепций («раннего» Витгенштейна и логического позитивизма), признание их однотипными, близкими по сути, – результат неверного прочтения сложного текста *Трактата*. Это – реалья, с которой нельзя не считаться. Подобное недопонимание, если оно утвердилось, преодолевается с трудом. Таков и рассматриваемый нами случай: неверное (тому есть свидетельства и доводы) толкование философских взглядов Витгенштейна имеет прочность предрассудка. Явные натяжки (и ошибки) в оценке его позиций и поныне не вполне преодолены, в том числе в *аналитической философии* – широком движении 1960-1990-х⁶, в рамках которого разрабатываются методы решения философских проблем путем анализа (прояснения) языка. Философия логического и лингвистического анализа XX в. развивалась в русле традиций, близких *логическому позитивизму*. Основоположники аналитической философии Б.Рассел и Дж.Э.Мур придавали решающее значение в формировании ее принципов своему возвращению (1898–1900) – после нескольких лет увлечения неогегельянством – к британской философской традиции. Рассел признавал, что отныне его устойчивой ориентацией стал характерный для Англии и развиваемый в европейской философии науки тех лет (Э.Мах и др.) *эмпиризм*,

главным образом в его позитивистском (юмовско-миллевском) варианте. В дальнейшем наиболее близкой себе по духу философской школой XX в. он считал логический позитивизм⁷. Подобному стилю мышления было и остается приверженным немало других «аналитиков». Потому аналитическую философию нередко характеризуют как «семейство» концепций позитивистского толка. Между тем сочетание современных методов концептуально-языкового анализа знания и, шире, *разумения* вообще с установками позитивизма – скорее конкретное, локально-историческое, чем принципиальное, теоретическое обстоятельство. Это подтверждается хотя бы тем, что в аналитической философии сегодня представлены разные философские ориентации. Отсюда понятны некоторые трудности в определении ее общего характера, в частности степени родства (или инородности) позитивизму. Мнения специалистов по этим вопросам иногда заметно расходятся.

Витгенштейна по праву считают центральной фигурой в развитии *аналитической философии* XX в., поскольку именно он разработал «полярные» – строго-логическую (I) и прагматико-лингвистическую (II) – стратегии *Философии Анализа*⁸, дав импульс развитию двух основных ее ветвей (или форм), а главное, сформулировал сами принципы аналитического толкования природы, задач философии⁹. Потому верное понимание общего характера «аналитического движения» предполагает уточнение позиций, стилей философствования, которые развивал Л. Витгенштейн. Вопрос о его философской ориентации несколько запутан. Его оригинальные мысли встречали разного рода недопонимание. Авторские, глубоко продуманные позиции *Трактата* воспринимались как продолжение, проработка концепций Рассела, под руководством (и влиянием) которого начинал свои исследования Витгенштейн. Автор *Трактата* ясно понимал и с признательностью отметил, что его труд был вдохновлен логическими идеями Рассела и «великолепными трудами Фреге». Но вместе с тем это новаторская работа, имевшая (даже на подготовительной стадии) эффект новизны для Рассела, который был посвящен в замысел ученика и его результаты в осмыслении проблем логики, природы логического¹⁰, полученные еще в 1912–1914 гг. Отталкиваясь от открытий Рассела, Витгенштейн почти сразу включается в самостоятельное осмысление проблем логики и природы философии. По ряду серьезных вопросов вчерашний ученик вступает в спор с учителем, предлагает иные, собственные решения занимавших их в те годы проблем. Он формулирует, например, концепцию «*логического атолизма*», которую Рассел высоко оценил и включил в свою философию.

фию. Еще в 1914 году, читая лекции в США, он отметил, что излагает идеи своего блестящего ученика Людвиг Витгенштейна. Годы спустя в книге «Исследование значения и истины» (1940), подытоживая свою многолетнюю проработку этих вопросов в лекционных курсах и семинарах (США), Рассел несколько раз обращается к идее Витгенштейна, находя в ней новые аспекты и возможности применения¹¹. Принцип *логической атомистичности* все еще владеет его мышлением.

Высоко оценивая – в период их сотрудничества – интеллект и бесспорные успехи Витгенштейна, Рассел надеялся, что тот продолжит его логические изыскания. Но события разворачивались по-другому: быть продолжателем Витгенштейн не мог – по натуре, складу ума и характера. В философии ему явно была «уготована» иная роль – пролагать новые пути, глубоко продумывать и обосновывать принципы не только логических форм, но и самого философствования. Его всецело захватили уже ему открывшиеся, трудные логические, логико-философские, затем собственно философские проблемы, – и он принял этот «зов»¹². Ему суждено было стать *Философом*, притом не позитивистского типа. Сегодня, на исходе XX в., можно утверждать, что он создал, сформировал *новый образ философии*. Но это было понято далеко не сразу. Его работы на протяжении многих лет нередко читались (а иногда читаются и сегодня) как написанные в духе позитивизма.

Начатое под руководством Рассела и уже в основе выполненное исследование Витгенштейн продолжал и завершил в условиях, явно необычных для написания философского труда, – на войне и в плену (1914–1919)¹³. Рукопись будущего *Трактата* в 1919 году, как только представилась возможность, была передана Расселу. Автор рассчитывал на компетентное суждение учителя, друга, единомышленника, но, получив его одобрительное предисловие к своей будущей книге, пришел к выводу: тот не понял сути работы. Найти общий язык не помогли и попытки Витгенштейна разъяснить свои открытия (в письмах и при встрече). В результате он отказался публиковать свой труд с этим предисловием, неверно ориентирующим читателя. Однако без такой поддержки работу не удалось издать, потому она увидела свет и, как правило (уже, видимо, по традиции), издается поныне все-таки с предисловием Рассела и читается с заданной им точки зрения. Кстати, расселовское предисловие подготовило и восприятие *Трактата* в «Венском кружке» – как манифеста нового позитивизма, ориентированного на впечатляющие успехи и открытия в области логики. И лишь годы спустя стало про

ясняться, что труд Витгенштейна был прочитан не в том ключе. Что же подтолкнуло к истолкованию произведения как позитивистского?

Существенным признаком позитивизма (от О. Конта до Р. Карнапа, А. Айера и др.) считают, как уже отмечалось, неприязнь к философскому теоретизированию – *метафизике*. Именно такую позицию, притом выраженную в резкой форме, члены Венского кружка усмотрели в тезисах *Трактата*. Как новый вариант позитивизма была расценена *лингвистическая* философия «позднего» Витгенштейна и его последователей (формирувавшаяся в 1930–1940-е гг.). Нацеленная на выявление концептуальных «дефектов» философского рассуждения, она тоже воспринималась как *антиметафизическая*. В работах Витгенштейна, при желании, можно было увидеть и другую «сторону медали»: типичную для позитивизма ориентацию на *эмпирические, описательные методы исследования*¹⁴. Этого хватило, чтобы «всерьез и надолго» записать его в позитивисты. Приверженность же философа *сциентизму* (третья характерная черта позитивизма) сочли очевидной: исключалась сама мысль, что у автора *Трактата* и ученика Рассела могли быть иные приоритеты. Т. е. в работах Витгенштейна, казалось бы, ясно просматривались все три необходимых и достаточных принципа позитивизма. Между тем его следование хотя бы одному из них весьма проблематично. Умонастроение *сциентизма* (веру в превосходство научного знания над всеми иными формами постижения мира) Витгенштейн не разделял, и недвусмысленно разъяснял это: «Научные вопросы могут интересовать меня, но никогда по-настоящему не захватывают. ...Решение научных проблем для меня в принципе безразлично», решение же концептуальных и ценностных (этических и эстетических) проблем – нет¹⁵. С точки зрения Витгенштейна, – не может быть *великой*, существенной проблемы в научном смысле¹⁶. В оценке его кредо по этому вопросу произошла явная «осечка», тогда как по первым двум позициям «сбой» понимания его взглядов тоже имел место, но был не столь явным. Возникшие тогда предубеждения не преодолены до конца и в наши дни. Но уже можно привести убедительные свидетельства того, что взгляды философа даже в ранний период творчества не соответствовали духу логического позитивизма по всем трем указанным позициям. Попробуем с этим разобраться.

Начнем с толкования концепции *Трактата* как *радикально антиметафизической*. Независимо от подлинного замысла и смысла труда такое толкование состоялось, и этот исторический факт способствовал предельному сближению (в умах читателей, исследователей, последователей) мыслей *Трактата* с логическим позитивизмом. Это

в значительной мере обусловило и оценку поздней концепции философа как «лингвистического» или «терапевтического» позитивизма¹⁷. Такое видение было воспринято, а отчасти сохраняется поныне и в нашей стране. В конце 1950-х – начале 60-х гг. лидирующий исследователь этих тем И.С.Нарский приравнивал мысли «Логико-философского трактата» к логическому позитивизму, а его автора (наряду с М.Шликом, Р.Карнапом и др.) причислял к «основателям неопозитивизма»¹⁸. Был сформулирован и совсем уж спорный тезис о том, что и в «Философских исследованиях»¹⁹, выполненных во второй период творчества, с иных позиций, Л.Витгенштейн (а также его английские последователи Г.Райл, Дж.Остин, Дж. Уиздом и др.) остался на позициях логического позитивизма²⁰. Такое толкование общей сути концепции и характер ее критики сохранялось и к началу 1970-х годов. Причем особое раздражение у некоторых специалистов вызывала «лингвистическая» философия. Неумение войти в ее внутренний, своеобразный контекст, предвзятый взгляд на нее как на «эпигонскую» разновидность неопозитивизма характеризует, в частности, соответствующий раздел учебного пособия тех лет²¹. В нем был подвергнут резкой критике отход позднего Витгенштейна и витгенштейнианцев от построения строго логических моделей знания, их обращение к анализу обычного языка, его гибких, варьируемых значений. Это расценивалось как «бунт против науки»²², обращение к низшему и низкопробному уровню языка обывательски мыслящих людей, занятых самой примитивной повседневностью²³. Автору (раздел был написан И.С.Нарским) представлялось, что гибкость, вариабельность языковых значений свойственна психике обывателей – людей не вышколенных наукой, склонных к капризам, неожиданным поворотам, исключениям, – и что именно это находит выражение в обиходном языке, его идиомах и непоследовательностях. Такие суждения²⁴ свидетельствуют о том, что уровень понимания лингвистической философии в отечественной литературе к началу 1970-х годов порою был удручающим.

Из великих философов XX столетия – с пониманием их работ – у нас, пожалуй, больше всего не повезло «позднему» Витгенштейну. Спустя десять лет после смерти философа суть его открытий оставалась во многом непонятой, и нередко они преподносились как нечто анекдотическое, несерьезное. Так читателю «разъяснялось»: «Витгенштейн превратил философию во вспомогательный метод классификации значений слов»²⁵; у позднего Витгенштейна «философия как таковая исчезает», заменяясь «игрой в индивидуальные языки»²⁶. Образно-ироничная, но верно передающая суть дела реплика Вит

генштейна: «цель философии – показать мухе выход из мухоловки» – воспринималась как издевка и с неприязнью толковалась как стремление *увести человека от философских проблем*²⁷. На самом же деле Витгенштейн, напротив, имел в виду тщательное изучение философских проблем, осмысление их особого – «тупикового» – характера и сложного пути «разрешения»: выхода из концептуального тупика, вызвавшего характерное философское напряжение. В результате такого прочтения одна из самых глубоких и проницательных концепций уходящего столетия расценивалась как «философская деградация»²⁸. Работы Ю.А.Асеева, В.С.Швырева и др. были написаны уже в другой, академической тональности. Однако традиция рассмотрения двух концепций Витгенштейна – «логического атомизма» и «лингвистической философии» – в русле эволюции *позитивизма* XX столетия сохранялась²⁹.

Изучение творчества Витгенштейна, публикация все новых его материалов расшатывали представление о позитивистском характере даже «ранней» его доктрины, не говоря уже о «поздней» философско-лингвистической концепции. Многих других опередил в понимании этого обстоятельства польский исследователь Богуслав Вольневич, разъяснявший, что в «Логико-философском трактате» представлен тип мышления, совершенно отличающийся от всех позитивистских и эмпирических традиций...»³⁰. Со временем в западных и (отраженно) отечественных публикациях стали появляться суждения, что уже доктрина «логического атомизма» не была, строго говоря, формой позитивизма³¹ и что еще меньше оснований относить к позитивизму взгляды позднего Витгенштейна. Смене оценок способствовали кризис позитивизма, успехи исторического подхода к познанию, а также сближение, взаимовлияние разных философских направлений. Со временем исследователи стали отделять продуктивные методы анализа языка от сопутствовавших им позитивистских моделей (по)знания, сочетать эти методы с иными философскими подходами. В 1960-80 гг. за школами, успешно практикующими такие методы закрепилось новое, емкое имя – «*аналитическая философия*»³².

Более корректному пониманию философского наследия Витгенштейна помогали также все новые биографические и иные свидетельства. Так были опубликованы воспоминания Р.Карнапа, пролившие свет на значительное расхождение позиций Витгенштейна с учением логического позитивизма. Это выявилось в 1927 году, когда Витгенштейн, по просьбе М.Шлика, встретился в Вене с некоторыми из членов Венского кружка для обсуждения ряда положений «Трактата». В ходе этой и других бесед приверженцы логического

позитивизма неожиданно для себя обнаружили, что взгляды Витгенштейна существенно отличаются от их собственных и что он вообще не разделяет их концепции. В частности, выяснилось, что значительно сложнее, чем им казалось, обстоит дело с тезисом о «бессмысленности» философских положений. Сегодня можно обоснованно утверждать, что в логическом позитивизме данный тезис Витгенштейна был понят неверно. А это осложнило уяснение типа развиваемых им философских позиций, в том числе степени их родства (инородности) позитивизму.

Антиметафизический характер логического позитивизма несомненен. Карнап вспоминал: стоило нам принять всерьез требование научной строгости философии, как с необходимостью последовал вывод: *из нее должна быть изгнана вся метафизика*, поскольку ее тезисы не поддаются рациональному обоснованию. Теоретиков логического позитивизма это несколько не огорчило. По признанию Р.Карнапа, М.Шлик и он «не питали никакой склонности к метафизике и метафизической теологии и смогли отказаться от них без внутреннего конфликта или сожаления». Но ему пришлось признать, что позиция Витгенштейна в данном вопросе была существенно иной. Он вспоминал, что, услышав резкое замечание Шлика о метафизическом утверждении классика философии (кажется, Шопенгауэра), Л.Витгенштейн выразил удивление и стал на защиту философа и его дела³³. По свидетельству Друри (ученика Витгенштейна), он в беседе с ним говорил: Не думайте, что я презираю метафизику или высмеиваю ее. Напротив, величайшие метафизические произведения прошлого я считаю самыми превосходными творениями человеческого ума.

В текстах Витгенштейна встречаешь высокие оценки наследия Платона, Августина, Канта и др. Но совершенно определенно высказаны и суждения о бессмысленности философских утверждений. Вспомним фрагмент из *Трактата*. «Большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложны, а бессмысленны... Вот почему на вопросы такого рода вообще невозможно давать ответы, можно лишь устанавливать их бессмысленность. Большинство предложений и вопросов философа коренится в нашем непонимании логики языка ... И неудивительно, что самые глубокие проблемы – это, по сути, не проблемы» (4.003)³⁴.

В этих формулировках усматривают взгляд на философию, по сути совпадающий, скажем, с точкой зрения Р.Карнапа, – убеждением в бесполезности метафизики и необходимости ее преодоления. Создается впечатление, что концепции логического позитивиз-

ма и *Трактата* Витгенштейна в принципе едины. Между тем это ловушка, недоразумение: такая точка зрения навязывает себя нам, и на какой-то момент ей можно поддаться, но провести ее последовательно, всерьез не удастся. Сближение взглядов Л. Витгенштейна с логическим позитивизмом вынуждает к искусственным натяжкам в истолковании *Трактата*. Приходится закрывать глаза на ряд позиций автора, явно не укладывающихся в позитивистское толкование философии. Это ведет к деформациям, потере философской специфики, целостного характера тщательно продуманной, стройной концепции Витгенштейна, к смысловой несовместимости одних ее положений с другими. Возникает ряд не только логических, но и психологических неувязок. В частности, не укладывается в сознании возможность сочетания позитивистского взгляда на философию – как дело бесполезное, бессмысленное – и уважительного отношения к философской классике, более того, посвящения всей жизни *философии* (не логике науки!). А то, что в центре внимания Витгенштейна, в отличие от позитивистской традиции, находилась не наука, а именно философия, – несомненно. Американский исследователь Витгенштейна Бэри Страуд справедливо подчеркивает: «Ключ к пониманию значения его философии – в оценке длившейся всю его жизнь оппозиции сциентизму»³⁵. Специалисты, сумевшие найти верный ключ к текстам великого философа, считают «наиболее впечатляющим в его взглядах понятие о том, что собой представляет философия в высоком смысле слова и чем она по сути призвана быть»³⁶. Но как совместить это с текстом о бессмысленности философских высказываний? Ведь одно не вяжется с другим, к тому же в понимании общей природы философии ориентации Витгенштейна не претерпели существенных изменений и во второй период творчества. Была принципиально пересмотрена лишь концепция *метода анализа*, пути к философской ясности. Тезис же о *бессмысленности* философских вопросов и утверждений был сохранен. И сформулировал его философ. Стало быть, бессмыслен и этот его тезис... Что это – казус, оплошность, недосмотр? – Нет, вызов – намеренно острая форма постановки проблемы. Выход из «тупика», понятно, нужно искать в текстах Витгенштейна. Интересующая нас тема многоаспектна и не может быть достаточно полно раскрыта в рамках статьи. Потому выделим главное: сконцентрируем внимание на таких ответственных (и острых!) сюжетах, как бессмысленность философских фраз и *парадоксальность* философской мысли.

2. Парадокс философствования (I) в контексте «Трактата»

В «Логико-философском трактате», рассуждая последовательно, Витгенштейн не остановился на полпути: он объявил *бессмысленными* и свои собственные философские утверждения. Тем самым важнейшую для него (кантовскую по духу) проблему: «*Как возможна философия? Что она такое? Для чего нужна?*» – он выразил в форме *философского парадокса*³⁷. Вчитываясь в текст, в какой-то момент ясно осознаешь, что в устах философа заявление о бессмысленности философских утверждений представляет собой вариацию на тему античного «парадокса лжеца». Содержание его таково: некто по имени Эпименид, живущий на острове Крит, утверждает, что «*все критяне лгут*». Поскольку сказанное распространяется и на его собственное заявление (саморефлексивность), возникает хрестоматийно известная тупиковая ситуация³⁸. Заявив о бессмысленности философских утверждений, Витгенштейн «как по нотам» разыграл названное логическое затруднение, поставив в положение Эпименида самого себя. Правда, в парадокс внесена поправка: философы не лгут, а продуцируют бессмысленные фразы. А это к тому времени было признано (Фреге, Рассел и др.) куда более тяжелой логической «порчей» утверждений, чем их ложность. Последняя устанавливается процедурами проверки – сопоставлением смысла высказываний с соответствующими ситуациями. Бессмысленные же утверждения не проверишь: неясно, о проверке *чего* в таких случаях вообще может идти речь. Итак, с точки зрения Витгенштейна, в любом нормальном высказывании конструируется некий *смысл* (возможная ситуация) и в зависимости от реального положения дел оно может быть либо истинным, либо ложным. Философские же фразы не несут информации о конкретных ситуациях в мире, для них немислимы процедуры эмпирической проверки и потому они не являются ни истинными, ни ложными. А это и приравнивается к *бессмысленному* (что тоже является постулатом). В заключительной части *Трактата* читаем: «Правильный метод философии, собственно, состоял бы в следующем: ничего не говорить, кроме того, что может быть сказано, то есть кроме высказываний естествознания³⁹, – следовательно, чего-то такого, что не имеет ничего общего с философией. – А всякий раз, когда кто-то захотел бы высказать нечто метафизическое, доказывать ему, что он не наделил значением определенные знаки своих предложений. Этот метод не приносил бы удовлетворения собеседнику – он не чувствовал бы, что его обучают философии, – но лишь такой метод был бы безусловно правильным» (6.53). То есть освоение фило

софии связывается не с формулировкой (запоминанием, пересказом) утверждений, а с освоением особой *практики* концептуального осмысления.

Заявив, что философы формулируют и применяют бессмысленные утверждения, Витгенштейн (подобно Эпимениду) по существу вынес приговор и самому себе. – Ведь он тоже пишет *философский* трактат, то есть и сам принадлежит к сообществу тех, чьи утверждения считает бессмысленными. Автор знаменитого труда вполне отдает себе в этом отчет. «Мои предложения служат прояснению: тот, кто поймет меня, поднявшись с их помощью – по ним – над ними, в конечном счете признает, что они бессмысленны. (Он должен, так сказать, отбросить лестницу, после того как поднимется по ней.) Ему нужно преодолеть эти предложения, тогда он правильно увидит мир» (6.54). По существу это не что иное, как острая – парадоксальная – постановка главного вопроса «Трактата» о том, что *может быть сказано ясно* и что такому высказыванию не поддается. Первую группу составляют предложения естествознания и аналогичные им информативные фразы о происходящем в мире. Вторую образуют *псевдоутверждения* философского и иного (логического и математического) характера. Попытки преодолеть границы языка (высказать невысказываемое) выливаются в утверждения, строго говоря, *лишенные смысла*. Так что же, «Логико-философский трактат» – бессмысленная работа? К чему же было его писать и какой смысл изучать? Недоумевающего читателя автор успокаивает так: тот, кто меня поймет, сможет подняться по этим предложениям, словно по ступеням лестницы, – пройти по ним, преодолев их – к *ясности*. Если же ясность достигнута, лестница больше не нужна, и ее можно отбросить. Метафоры, поясняющие роль, отводимую философии, могут быть и иными. В поздних работах вместо ступеней лестницы философ говорит о путевых знаках (зарубках и пр.), указывающих (напоминающих, подтверждающих) правильность пути. Используется также метафора лабиринта языка (речевого разумения), где то и дело попадаешь в тупик, из которого нелегко найти выход, и др. При этом суть подхода остается прежней: философия понимается как *путь*, способы прояснения.

Сохраняется и характеристика философских фраз как «бессмысленных». Но подчеркивается, что удалить их из языка (вспомним о программе «преодоления» – устранения – метафизики в логическом позитивизме) невозможно, поскольку в человеческом интеллекте глубоко *укоренена склонность* (тоже кантианский мотив!) время от времени прибегать к таким фразам⁴⁰. Витгенштейн подмечает, что в определенных пунктах речевого разумения или коммуникации воз

никает непреодолимое желание сделать то или иное *философское заявление* – т. е. совершить не реальный *рабочий* ход в соответствующей речевой игре, не *высказать* что-то, а *изречь* (провозгласить) нечто якобы особо важное – «глубокомысленное». При этом формулируются не *высказывания* нормального типа (повествующие о чем-то), а нечто принципиально иное – философские *сверх-высказывания*. Приводя множество примеров таких фраз, Витгенштейн весьма иронично характеризует постоянную готовность человека к *обобщающим изречениям, резюме*. В работах второго периода, следуя выдвинутой в них идее «философской терапии», он ставит такой «диагноз»: время от времени нас прямо-таки *тянет* заявить нечто философское, оно как бы просится быть высказанным. В такие моменты ум настроен особым образом: размышление о чем-то реальном, участие в конкретной практике («языковой игре») на какое-то время прерывается. Вместо этого внимание концентрируется на самом интеллекте – его инструментарии – разветвленном и подвижном концептуальном аппарате («сетке», «связках» понятий). Именно в таких случаях люди изрекают особые *супер-фразы* философского (метафизического) характера. Если вслед за Витгенштейном условно сравнить выполнение обычных, нормальных функций языка с действием машины, совершающей полезную работу⁴¹, дающей реальный результат, то периодические переключения на философские сюжеты будут – с точки зрения основного процесса – напоминать пробуксовывание – движения, не дающие эффекта. Витгенштейн, например, сравнивает их с вращением колес, отвинтившихся от машины и вертящихся вхолостую. Впрочем, его метафорический ряд, как всегда, разнообразен. Мимоходом произносимые философские фразы сравниваются, в частности, с тем, как парикмахер в процессе стрижки волос время от времени, как бы совершенствуя сноровку, просто лязгает ножницами, «стрижет воздух». Вспоминаются и пройдохи-портные (из сказки Х. Андерсена «Голый король»), лишь имитирующие шитье роскошных одежд и церемонию облачения в них короля. Приводятся и другие наглядные пояснения подобного рода.

Вновь и вновь возвращаясь к размышлениям Витгенштейна⁴², можно уловить разницу его и логико-позитивистского видения философии и осознать, что тезис «философские положения лишены смысла», – это не шутка, не ирония, не эпатаж. Это серьезный тезис, тесно связанный в *Трактате* (да и в текстах второго периода) с особым толкованием понятий «*смысл*» и «*осмысленное*».

«Критическим пунктом», определившим неверное понимание представленного в *Трактате* видения философии, стало «расхожее» уяснение термина бессмысленный и – как следствие – буквальное

толкование ответственного положения о бессмысленности философских фраз в духе позитивизма⁴³, что плохо вписывается в мыслительное поле *Трактата* в целом. Между тем семантика этого термина в работе Витгенштейна не столь проста. Весь комплекс взаимосвязанных базовых понятий работы определен в ее постулатах. В смысловом поле труда Витгенштейна (как, например, в поле геометрии Эвклида) читатель должен принимать во внимание именно эти уточненные термины, заданные определениями, и на время забыть о размытых, интуитивных смыслах этих слов в их обычном применении. Это относится и к понятию смысл, означающему: повествование о «возможной ситуации», которую «изображает» то или иное «предложение» («высказывание»). Введенный таким образом, термин «смысл» задает и термин «бессмысленный». В контексте данной работы он означает: не сообщающий, не информирующий, о некоей возможной ситуации – о том, что имеет место, происходит в случае, если соответствующее высказывание истинно. «Бессмысленный» не следует воспринимать как синоним абсурдного (бессвязного, нелепого). Согласно аксиоматике *Трактата* высказывание считается осмысленным, если оно в принципе способно быть истинным или ложным, т.е. заведомо – до и независимо от его соотношения с реальностью – позволяет нам представить, помыслить ту возможную ситуацию (факт, положение дел), которую оно речевыми средствами «изображает» (создает ее словесную «картину»). Это позволяет различать возможную (мыслимую) и реальную ситуации. С первой связан смысл (картина возможного положения вещей), со второй – истинность (ложность) высказывания, поскольку она зависит от соответствия (несоответствия) его смысла реальному положению вещей. Чтобы быть потенциально истинным или ложным, высказывание уже должно иметь смысл. Иначе будет неясно, истинность или ложность чего должна быть установлена⁴⁴, т.е. станет невозможной сама постановка вопроса об истинном и ложном.

Итак, к бессмысленным Витгенштейн отнес фразы, которые выглядят как предложения, высказывания, однако не наполнены познавательно-информативным (содержательным) смыслом и потому на деле они – не-высказывания (псевдовысказывания). И вот тут возникает опасность недопонимания, и читатель (переводчик) должен быть начеку. Опыт прочтений *Трактата* учит: может создаться впечатление (и оно возникло у логических позитивистов), что не-высказывания (одетые в «одежду» или «маску»⁴⁵ высказываний) – это что-то неправомерное, некий брак, чуть ли не «мусор» языка (который нужно выявлять и удалять)⁴⁶. Между тем особые, неинформа

тивные фразы (не-высказывания) – если, конечно это не белиберда – необходимы в языке, без них не обойтись, с их удалением язык не будет работать. На такие фразы философы обратили внимание уже давно⁴⁷, а Витгенштейн продолжил и развил эту традицию (хотя не исключено, что заново, самостоятельно открыл для себя и тщательно обдумал этот феномен). Чтобы справиться с парадоксальной ситуацией: «мыслить, постигать бессмысленное», понять, что означает тезис: «философские утверждения не ложны, а бессмысленны» и др., стоит прислушаться к его пояснениям. Что же это за особого рода фразы, являющиеся «*бессмысленными*», но тем не менее образующие «*ткань*» философствования и человеческого разума вообще?

Еще Юм (и скорее всего не он первый) подчеркнул своеобразие предложений логики и математики и отнес их к фразам, не наделенным информативным содержанием (смыслом). Продолжая дело Юма, Кант охарактеризовал их как *аналитические*, т. е. формальные, концептуальные фразы, устанавливающие эквивалентность одних понятий другим. Наследуя и одновременно корректируя мысль Канта, Витгенштейн добавил к таким фразам и *философские положения*. Согласно его терминологии они тоже *бессмысленны* (притом в прямом, буквальном, констатирующем, а не оценочном значении этого слова). Но в самом слове «бессмысленное» это различие не выявлено⁴⁸, что подталкивает (а может, и провоцирует) читателя, склонного к позитивизму, к восприятию его в отрицательно-оценочном, уничижительном смысле, чего, как представляется (в этом убеждает анализ его текстов), не имел в виду Витгенштейн. Для него слово «бессмысленный» было просто спокойной констатацией своеобразия любого типично философского тезиса, кстати, ничуть не умаляющего *ценности философствования*. Схватив суть дела, автор *Трактата* – в духе традиции и закона жанра – мастерски «драматизирует» изучаемую проблему, демонстрируя характерную парадоксальность философской мысли⁴⁹ и заостряя интригующий (а может быть, и шокирующий, «дразнящий», бросающий вызов) тезис о бессмысленности философских фраз. На многочисленных примерах он показывает, что видение, понимание подлинной сути философской проблемы обретаешь лишь тогда, когда сам неединожды попадаешь в те или иные концептуальные ловушки и мучительно выпутываешься из них, – обретая в результате особый опыт «прорыва» к интеллектуальной *ясности*, а с ее помощью (путем нее, возвышаясь над ней) – и к особой *Ясности* духовной.

В отличие от позитивизма – в любом его варианте – в центре внимания Л.Витгенштейна была вовсе не наука, а сама *философия* – ее своеобразие, роль и место в интеллектуальной, духовной культуре,

в жизни человека. А это – ориентация, «полярная» позитивизму. Для читателя (переводчика, исследователя) работы – это не что иное, как авторская подсказка: мою позицию можно неверно понять, внимательнее вчитайся в текст, обдумай его получше, соедини отдельные мысли, замечания воедино, и все станет на свои места. В самом деле, как можно быть поистине увлеченным философией, отдать ей всю жизнь (отказавшись от успешной карьеры инженера-исследователя, конструктора) и при этом считать философские положения бессмысленными? Очевидна неувязка, понимание позиции автора «не складывается». Уже одно это вызывает чувство «не может быть», подталкивает к более корректному уяснению, позволяющему воссоздать мудрое и проницательное видение философии, с которым – разобравшись как следует – трудно не согласиться – вопреки исходному впечатлению, будто заявленная позиция совершенно неприемлема.

Итак, под имеющими «смысл» в *Трактате*, по определению, понимаются информативные высказывания о разных ситуациях (конфигурациях объектов) в мире, – или высказывания, способные быть истинными или ложными. Общая формула осмысленного высказывания, по мнению философа, такова: «Дело обстоит так-то», или: «Положение вещей таково»; «Происходит то-то». Т. е. «смысл» толкуется как повествование научного характера (или его аналоги в донаучном, вненаучном опыте) о том или ином факте, ситуации, событии мира. Сложные или обобщенные высказывания рассматриваются как повествования о фактах комплексного или обобщенного типа. Что же касается философии, то ее задачи, по убеждению Витгенштейна, лежат в совсем иной плоскости, а их решение передается вовсе не высказываниями. В *Трактате* это четко сформулировано: «Философия, – не учение, а деяние. Философская работа по сути состоит в прояснении. Результат философии – не «философские высказывания», а скорее прояснение высказываний. Мысли, прежде смутные и неотчетливые, философия делает ясными и отчетливыми» (4.112). «Вся философия есть критика языка» (4.0031). «Цель философии – логическое прояснение мыслей» (4.112). Все эти суждения лежат в одном смысловом ряду и в них, по сути, выражен своеобразно толкуемый кантианский мотив⁵⁰.

В XX столетии на волне многоаспектных исследований языка возродилась и обрела новую жизнь и давняя философская тема «призраков» языка (или «идолов площади»). Важное место она заняла в творчестве Витгенштейна, проникнутом уяснением того, до какой степени нас может сбить с толку, «заморочить» язык. Его воздействие на наше разумение сравнивается с чарами или гипнозом, а пу

таница, провоцируемая языком, признается важнейшей причиной, источником, мучительных головоломок, именуемых философскими вопросами. Наиболее серьезной и характерной причиной путаницы признается то, что философскую неясность, имеющую концептуальный (логико-грамматический) характер, выражают в *форме научного вопроса*. В результате философские вопросы воспринимаются как однотипные с научными, какими они на самом деле не являются, – и с этой точки зрения (по этой – информационной, конкретно-научной мерке) действительно лишены смысла. И дело тут не в том, что вторые ценны, а первые ничемны. Их вообще нельзя мерить одной мерой. Они похожи лишь внешне («язык переодевает мысли») ⁵¹, а по сути лежат в разных плоскостях, принадлежат разным порядкам.

Витгенштейн аналитически разграничивает вопросы *философии* и *науки* и не устает разъяснять («показывать»), что рассмотрение первых по образу и подобию вторых задает неверную установку, дезориентирует. При таком к ним подходе философские вопросы и ответы на них оказываются лишенными смысла. Подобные вопросы ⁵² – отмечает Витгенштейн – внешне напоминают те, ответы на которые ищут ученые или – шире – все, кто добывает *знание* (о фактах мира и их конфигурациях). По сути же вопросы философов иного характера. Они не рассчитаны на получение новой, конкретной или обобщенной, *информации*. В каждом из них заключена характерная *трудность*. Такого рода трудности возникают тогда, когда мы смотрим на факты сквозь формы языка, дезориентирующие, искажающие наше видение. Любой типично философский вопрос толкуется как выражение *концептуальной невятности*, вызывающей замешательство и дискомфорт. Этим и обусловлен вывод: цель философии – достижение *ясности* путем *анализа языка*. В отличие от научных философские проблемы, – уточняет Витгенштейн – не *решаются*, а *разрешаются* ⁵³ (преодолеваются, снимаются): с устранением путаницы, невятности они перестают нас беспокоить, утрачивают проблемность, как бы угасают (хотя бы на время).

В приведенных тезисах Витгенштейна нередко улавливали диагноз в духе позитивизма: философия «неполноценна», поскольку «не соответствует» критериям научности. Между тем философ был далек от подобного «высокомерия» и в ранний, и в поздний периоды творчества. Важно подчеркнуть, что в отличие от логических позитивистов он (при заметном внешнем сходстве ряда их и его тезисов) вовсе не считал философские вопросы бесполезными или неправомерными. Напротив, тексты Витгенштейна полны размышлений и выводов не только об особой сложности, но и о важности философских проблем. Главное на

значение философии он видел в обретении *ясного видения* вещей (мира, человеческой жизни). Этим определен особый интерес к анализу концептуальных замешательств, возникающих из-за разнообразных понятийных (языковых) «ловушек», «невнятности» рассуждения. Во второй период творчества Витгенштейн сравнивал такой анализ речевого разума с *распутыванием «узлов»*. Он понимал: чтобы выполнить задачу прояснения, философы должны совершать столь же сложные действия (движения, манипуляции), как и эти узлы (запутанные ходы в понимании). Краткая формула его подхода: «Цель философии проста – достижение *ясности*, путь же к ней очень сложен. Сложность философии – не ее суть, а результат запутанного понимания».

Отмечая особый интерес философа к феномену концептуальной «путаницы» и тщательное его исследование, важно разъяснить (ибо распространено недопонимание), что, на взгляд Витгенштейна, такая «путаница» – не род невежества или недомыслия. И связанные с ней особые проблемы, именуемые философскими, – не глупость и не чепуха, достойная издевок в духе Карнапа и др. В философских замешательствах великий мыслитель XX в. усматривает «*глубинные проблемы*». Их глубина определена тем, что они *укоренены в механизмах действия языка, в понятийно-речевых формах, пронизывающих разумение людей*⁵⁴, их сознательную жизнь. Отсюда его внимание к методу, точнее к многообразию методов философствования, отсюда же понимание: чтобы быть успешными, методы философского прояснения не могут быть простыми. Анализу философских проблем, преодолению всевозможных философских замешательств, поиску «*ясности*», Витгенштейн посвятил все свое творчество. Т.е. делом жизни для него стала *Философия*. Едва ли позитивистски настроенный исследователь мог бы сделать такой выбор ... Да и отношение к философии, ее видение в текстах Витгенштейна чем-то похоже на позитивистское лишь внешне, не более.

Смысл высказываний (информативных предложений) философ толкует как их согласие или несогласие с возможностями существования и несуществования соответствующих им ситуаций, положений дел (4.2). Разъясняется это так: мы понимаем смысл предложения, когда нам ясно, как реально обстоит дело, если данное предложение истинно⁵⁵. «Мыслимое» и, стало быть, поддающееся «высказыванию» философ относит к области естественных наук (4.113)⁵⁶. Четкое уяснение того, что может быть «сказано» в поле конкретно-научного знания и его аналогов (информация о всевозможных ситуациях в мире), как бы «изнутри» очерчивает границы, за которыми простираются совсем иные сферы человеческого опыта. Витгенштейн сум

марно характеризует их как «невывыказываемое» («немыслимое»), наделяя и эти слова не буквальным, а особым, условным, требующим специального разъяснения, философским смыслом.

3. Парадокс философствования (II) в контексте «Исследований»

Итак, с реальными языковыми практиками соприкасаются, им сопутствуют философские *супер-фразы*. Они многообразно иллюстрированы в работах Витгенштейна и, в свою очередь, сопровождаются разъясняющими репликами того же «нерабочего», неинформативного характера, что и сами эти фразы. Такие утверждения традиционно именуют *мета-физическими*. Кажется, что они повествуют о самых глубоких и общих чертах мироздания – еще более универсальных, чем знания о физическом мире. На деле же ни о чем, что находилось бы «над» или «под» физическим (материальным) миром в них не сообщается. Природу таких утверждений глубоко исследовал Кант, подчеркнувший, что в области метафизики разум выходит за границы возможного опыта и уже не может ни подтвердить, ни опровергнуть своих тезисов. Осваивая и развивая размышления Канта, Витгенштейн характеризует положения «чистого разума» как *априорные, аналитические, концептуальные* или *логические* фразы. Все эти характеристики объемлются у него понятием: *грамматические* утверждения. В работах второго периода предметом философской *грамматики* считается *логическое поведение* понятий в процессе реальных человеческих размышлений. Грамматика *динамична*: она обнаруживается лишь в работе, действии концептуально-речевых форм. Примерами *грамматических высказываний* служат фразы такого типа, как: «Другой человек не может испытывать мою боль»; «Только ты можешь знать, было ли у тебя такое желание»; «Невозможно называть нечто правилом, если оно соблюдается редко, лишь от случая к случаю», и многие другие.

Витгенштейн разъясняет, что подобные высказывания не являются *эмпирическими*. Выражение «не может» подразумевает в них не физическую, техническую, психологическую или какую-то иную невыполнимость или отсутствие реальных условий для того или иного действия, состояния. Невозможность, фиксированная в таких фразах, носит куда более сильный характер – *логической невозможности*. Иначе говоря, это – *формальные* (концептуальные) фразы, определяющие все наше разумение. В них фиксируются логико-грамматические принципы, *нормы*, принятые способы употреб-

ления языка – его *логико-философская «грамматика»*. Разрешая одни и запрещая другие способы выражения, правила философской грамматики регулируют концептуальную корректность рассуждений, задают поле «ходов», возможных в разных «играх» (практиках) языка. По существу, это – *правила* применения базовых понятий (категорий) и подвижных, динамичных категориальных комплексов. Будучи освоены, они, подобно любым правилам (орфографии, юриспруденции, шахматной игры, уличного движения и др.), становятся само собой разумеющимися, делаются навыком, привычкой, действуют почти естественно, «бесшумно». Изрекать такие правила в форме глубокомысленных заявлений в самом деле нелепо. Ведь не станешь ни с того ни с сего декларировать нормы правописания или правила умножения. Смысл правил – не в их *провозглашении*, а в *соблюдении*: они призваны регулировать *действия*. Превращать их в самостоятельные высказывания неуместно. Но это справедливо лишь до тех пор, пока все идет по привычным, наработанным схемам, нормально, без сбоев, или – пока принципиально не изменяются условия их применения, «правила игры»⁵⁷. Правда, и в определенные моменты любого рассуждения или практического действия возникает потребность напомнить (кому-то или самому себе) о каких-то концептуальных истинах, сложившихся *нормах* применения *формальных понятий* (скажем, причинного, модального или иного ряда). Это бывает тогда, когда нам требуется «ступенька» для следующего мысленного хода или реального действия. Правила и служат такими ступеньками: важно в нужный момент вспомнить нужное правило и «опереться » на него. Необходимость обращения к концептуальным правилам, схеме рассуждения остро ощутима тогда, когда мы попадаем в ту или иную *ловушку*, запутываемся в нами же (людьми)⁵⁸ установленных правилах, или хотя бы на момент задумываемся о концептуальной схеме рассуждения или практического действия⁵⁹.

Что же касается концептуальных сбоев, то история мысли и опыт людей свидетельствуют: наиболее явно они проявляются в виде *логических противоречий*, возникающих в «критических точках» отвлеченного, умозрительного рассуждения. Эта тема привлекла внимание Витгенштейна и заняла важное место в его философских исканиях. Ведь стимулом для его исследований стали труды Г.Фреге и логико-философские идеи Б. Рассела, во многом обусловленные *выявлением парадоксов в основаниях математики*. Обнаружение фундаментальных противоречий в самой строгой из наук было воспринято как скандал в сфере мышления, познания, языка. В поиске путей избавления от «кошмара» логических противоречий

существенных результатов добился Рассел⁶⁰. Витгенштейн активно включился в анализ проблем противоречий и предложил весьма оригинальный подход к данной проблематике. Избавление от присущей мыслящему человеку панической боязни противоречий он связал с освоением особой логической «игры»: научиться не только выявлять, но и свободно конструировать противоречия в характерных «пунктах» их появления, — там, где они обычно неожиданно «сваливаются» нам «на голову» и ошеломляют, травмируют, вызывают растерянность. В частности, для Витгенштейна стало характерным выражение философских проблем в форме *парадоксов*. То есть он «приручил» логическое противоречие, заставил его плодотворно «работать» — как прием доведения мысли до кульминации, ее фокусирования на концептуальной проблеме, требующей «разрешения».

Методика постановки и решения философских проблем, характерная для Витгенштейна, может быть выявлена («показывает» себя), в частности, на примере его известного парадокса *следования правилу*⁶¹. Он строится как типичная языковая игра «попадания в логическую ловушку» и поиска выхода из тупика. Витгенштейн придумывает такую ситуацию. Некто совершает ряд действий согласно четко определенному правилу, допустим, записывает числовой ряд по формуле «+2». Но в какой-то момент, скажем, после 100, начинает прибавлять не 2, а 4, решив (неважно почему), что теперь действовать следует так. Суть примера — внезапное изменение (переосмысление) правила, совершаемое в некий момент одним лицом и закрепляемое аргументом: теперь правилом будет это. В форме таких языковых игр (в данном случае — искусственно придуманных ситуаций) выявляется *логика, поведение, самого понятия правила*. Для прояснения природы правил используются примерно такие вопросы: «могут ли у каждого быть свои собственные правила арифметики, спортивных игр и др.»?; «могут ли правила изменяться внезапно (под влиянием привходящих обстоятельств)»⁶², так чтобы правилом вдруг становился иной способ действия?». Число вопросов в принципе не ограничено. Далее осуществляется тщательный анализ ситуации в целом — с различением и соотнесением двух планов рассуждения: *концептуального* (логического) и *реального* (эмпирического), что вообще характерно для полноценного философского уяснения различных проблем. В «чисто» логическом ряду придуманная языковая игра заводит в тупик, о чем и свидетельствует формулируемый парадокс: *невозможно четко следовать определенному правилу, так как любые действия можно привести в соответствие с неким правилом*⁶³. Логическая проработка сюжета дает выводы, чем-то напоминающие апории Зенона. Допущение, что действия в рамках правил сообразны *пони*

манию этих правил, кажется, ставит под сомнение самую возможность правилосообразной деятельности вообще, тем самым как бы расшатывая основы цивилизации: нормы, традиции, обычаи, законы. Ведь на практике толкование правил допускает вариации: свидетельству тому немало.

В самом деле, реальный, *жизненно-практический* ряд свидетельствует о том, что опыт людей многообразен и не укладывается в рамки жестких, раз и навсегда установленных, единых для всех правил. Ведь и в правилах действий людей (в том числе в вычислениях, измерениях и пр.) много условного и возможны значительные различия. Витгенштейн остроумно иллюстрирует это примерами на ходу изобретаемых, но в принципе вполне возможных практик или форм жизни (языковых игр). Вспомним хотя бы его «игры» в измерение длины с помощью эластичных мерил и пр. Не менее забавны измышляемые им примеры возможных способов определения количества древесины (штабелей досок, дров и пр.) и соответственно ее цены, скажем, в ситуациях купли-продажи. Доводчиво разъясняется, что вычислительные и другие правила в разные времена, в разных культурах весьма отличаются друг от друга и что они далеко не всегда так уж рациональны. Многие решает закрепившаяся практика. Вот почему люди, если кто-то поставит их образ действий под сомнение, вполне могут заявить: «Мы издавна действуем так и считаем это правильным»⁶⁴. Итак, подходя к делу с *эмпирической* точки зрения, Витгенштейн демонстрирует многообразие практик, значительный разброс в их правилах, возможность корректировки и даже существенного изменения правил по обстоятельствам. При соблюдении соответствующих условий это не парализует практику: привыкнув к перемене, люди живут и действуют по-новому. В принципе не исключено и какое-то изменение правил развертывания числового ряда (скажем, при решении прикладных задач), гипотетически затронутое в связи с парадоксом следования правилу. Правда, резкие, внезапные изменения правил в общем-то нежелательны (о чем предупреждали понимавшие в этом толк великие умы – Платон и др.)⁶⁵. Но так или иначе, в реальном опыте разумное изменение правил не заводит в логический тупик. В жизни подобные *логические* ловушки мало кого волнуют⁶⁶. Парадокс следования правилу вряд ли может парализовать работу законодателя, спортивного судьи или учителя грамматики, – как и апории Зенона помешать полету стрелы или быстрому бегу Ахиллеса. Хотя в реальной жизни людей (в законотворчестве, юридической практике, правовом сознании и др.) вполне могут возникать вовсе небезобидные несурзности, противоречия.

Затруднение в рассуждении о правиле, которое с целью прояснения придумал (или выявил) Витгенштейн⁶⁷, носит не эмпирический, а *концептуальный* характер. В тиски парадокса тут (как и в других подобных случаях) попадаешь лишь переходя из практического ряда в логический с присущими ему собственными законами. На этом уровне мы имеем дело с особым *миром мысли*: целой сетью логических связей понятий, их *внутренних* смысловых отношений, устоявшихся в практике речевого разумения. Сложившийся концептуальный аппарат и диктует «правила игры», регулирует осмысленную работу языка, определяя действия по правилам, в нарушение правил, их допустимое изменение и т. д. Изобретая разные языковые игры (практические ситуации возможного применения основных понятий), Витгенштейн тренирует концептуальную компетентность (ориентированность, сноровку) читателей, учеников, прививая им *навыки* применения понятий в меняющихся ситуациях, умение выбираться из концептуальных тупиков. Время от времени в практикум концептуальных «игр» с понятием *правила* включаются примерно такие «грамматические» пояснения: правило – не то, что выполняет лишь один человек и лишь раз в жизни; это – черта социума, его устоявшиеся нормы, а не воля (произвол) частного лица; правило – не то, что меняется внезапно, без предупреждения; то, что может изменяться вдруг, ни с того ни с сего, – не правило; правило – это практика, обычай, традиция.

Философ привлекает внимание и к такому аспекту правилосообразной деятельности, как *истолкование* правил, чем дополнительно усложняет задачу корректного концептуального выражения феномена правила. Обнаруживается, в частности, что малейшее недопонимание логики понятий, выражающих эту «субъективную» сторону дела, способно завлечь нас в еще один характерный парадокс. Кто-то может истолковать правило по-своему и сообразно этому действовать, такое случается. Но это неявно предполагает, будто правила – вещь персональная и что каждый соблюдает их на свой лад. Да и в самом деле, люди – не автоматы и, действуя по правилам, должны понимать их смысл. Однако это вроде бы бесспорное положение таит в себе подвох. Оно исподволь внушает нам представление, будто действие по правилу решающим образом определено *истолкованием* правила. Вот тут и кроется парадокс. Анализируя эту сторону дела, Витгенштейн подводит возможного читателя, собеседника к выводу: правило не может поддерживаться одним лишь *умственным* его толкованием. Подобное обоснование в свою очередь требует новых обоснований. В результате открывается регресс в бесконечность, и правило остается

«необоснованным», «зависает». Безуспешные попытки выпутаться из затруднения вынуждают признать: *чисто логическим* путем выйти из тупика не удастся. За сим следует иного рода, *реалистичное*, пояснение: процесс обоснования не может быть бесконечным, — обоснованиям где-то приходит конец. Углубляясь в существо дела, мы преодолеваем ряд логических «слоев» рассуждения, но рано или поздно как бы упираемся в скальный грунт. То есть, исчерпав логические аргументы, достигаем *границы языка*, предела высказываемого. Свидетельство тому — логический тупик парадокса. Каков же выход? Умудренный опытом Витгенштейн рекомендует спуститься с «голых вершин ума» (*мира логики*) в «долины глупости» (на «грешную землю») ⁶⁸. Но сказать мало. Он много раз показывает, как это делается: «переводя стрелку» с пути логических аргументов на внелогический путь — *практики*. Да ведь так и происходит на деле. Обычно, исчерпав аргументы, люди бывают вынуждены прекратить процесс обоснования и просто констатируют: практика такова. Скажем (в духе иллюстраций Витгенштейна), «количество дров мы меряем на глаз», «время узнаем по солнцу», «возраст человека определяем по его внешнему виду» и пр. Другие люди, в иных краях, в другие времена делают такие вещи иначе. Таков их обычай, сложившаяся *практика*. У них так принято, и так жить, действовать тоже можно ⁶⁹.

Но с точки зрения «природы вещей» (а это философский угол зрения) «двуальность» правил и реального опыта нас озадачивает. Ведь получается, что жизнь остается жизнью и «играется» без жестких правил, а правила образуют замкнутый сам на себя, чисто логический «мир», до которого людям реального опыта вроде бы нет дела. Кстати, в жизни мы с этим сталкиваемся часто. Значительно расходятся во многих случаях не только, например, кулинарная рецептура и реальное приготовление пищи. Немалый разрыв существует между правовыми нормами и юридической практикой. Подобная же картина открывается нам и в других сферах деятельности людей, причем не только по воле (вине) их. На то есть более глубокие причины: логическое и реальное в принципе не могут совпасть, уравниваться, — они принадлежат разным «мирам», или разным порядкам Мира. Тут естественно возникает вопрос: зачем же тогда нужны системы норм, правил? Многовековой опыт философского уяснения подобных ситуаций учит, что для корректного ответа на такие вопросы нужно уметь удерживать в поле внимания, соотносить оба типа опыта — и *логический* (концептуальный) и *эмпирический* (практический, реальный), — памятуя о том, что их «стыковка» всегда была и будет чревата парадоксами. Подход Витгенштейна к таким ситуации

ям своеобразен и нетрадиционен. Он приучает нас относиться к ним спокойно, учит опыту пребывания в ситуациях длящихся, неизбежных парадоксов. Неоправдавшиеся надежды на избавление от противоречий и достижение идеального логического порядка в основаниях математики⁷⁰ Витгенштейн воспринял мудро, и тоже в духе Ницше: если невозможен идеально упорядоченный логический (и жизненный) «Космос», то выход один – вернуться в прежний «Хаос» и почувствовать себя там хорошо.

В размышлениях о *правилах* Витгенштейн то и дело «напоминает», что мы обычно имеем дело не с одним, «точечным» понятием, а целым комплексом родственных понятий, дополняющих друг друга, образующих связанные, целостные *концептуальные сетки* («семейства»). Такие комплексы понятий играют в обществе очень важную роль, организуя политическое, юридическое, научное и другое мышление людей. Социальная жизнь по самой своей сути связана с обычаями, традициями, нормами, установлениями. Т.е. правила – это принцип существования социума, цивилизации. У разных народов, в различных культурах, языках формируется разветвленная *сеть* взаимосвязанных, переходящих одно в другое, пересекающихся *понятий*, выражающих различные стороны человеческих действий – «по правилам», «в нарушение правил», «во изменение» таковых и др. В этой *концептуальной сетке* вполне можно запутаться⁷¹. В результате и возникают концептуальные «сбои», тупики. Связанные с нарушением общих норм, принципов разума, они носят *логико-философский* характер. На поиски выхода из таких тупиков тратится немало времени и сил. Неудивительно, что философы, логики, лингвисты (Лейбниц, Рассел и др.) нередко вынашивали замысел универсального метода избавления от логических сбоев, тупиков рассуждения. Этому замыслу не суждено было сбыться, он оказался утопией, что подтвердили специальные логико-математические исследования, а затем и философская проработка проблемы⁷².

Отсюда последовал вывод, к которому Витгенштейн, по-видимому, уже был в принципе готов. Суть его такова: если нет радикального средства от «недуга», остается применять разные «терапии». Для выхода из тупиковых ситуаций в обсуждении принципиальных философских вопросов поздний Витгенштейн предлагает терпеливые концептуальные разъяснения. С их помощью – двигаясь шаг за шагом, как по лабиринту, постепенно научаясь обходить концептуальные тупики, а попавшись, как-то выбираться из них, находить выход. И в процессе такого показа пути к выходу, поиска ясности – приходится ориентироваться по концептуальным памяткам, «заруб

кам», «припоминаниям», которые сами служат лишь указателями верного пути. Это – философские фразы, представляющие собой, согласно Витгенштейну, не что иное, как логико-грамматические, концептуальные *правила*. А правила не бывают ни истинными, ни ложными. На то они правила. Взятые сами по себе, вне применения, они бесполезны. Если их практически не использовать в деле концептуального прояснения, а просто выучивать, произносить, рассказывать на экзаменах и т.д., – то все это будет действительно напоминать впустую лязгающие ножницы парикмахера, «разрезающие» лишь воздух, или колеса, отвинтившиеся от машины и вертящиеся вхолостую. Витгенштейн привлек внимание к тому, что логика и математика не совершают самостоятельной работы, не применимы к реальным предметам, ситуациям. Их поле действия *вторично*: осмысление, регуляция языка. *Концептуальные правила философии*, на его взгляд, в принципе того же характера. Как утверждения они звучат странно. На заявления типа «Все имеет свою причину» или «Возможность движения еще не есть само движение» и др. реагируют двояко: «само собой понятно» или же: «что за чепуха». Но это нисколько не умаляет для Витгенштейна ценности всех трех областей мысли, из которых главное место в его жизни заняла Философия. Да, он считал серьезной проблемой «метафизическую иллюзию» (назовем ее так), состоящую в том, что философские фразы «морочат нас», склоняют принимать их не за то, что они есть, – как якобы глубочайшие истины о мире, истины, недоступные иным сферам знания. И он убедительно показывал, что если их принимать в такой, не свойственной им роли, то они действительно оказываются бессмысленными. Другое дело их работа в философском контексте – мудрый концептуальный анализ, ясное понимание сути сложнейших проблем. Чтобы убедиться в правоте Витгенштейна, стоит внимательно перечитать, скажем, «Размышления о первой философии» Р.Декарта, «Логiku» Гегеля или «Логико-философский трактат» Л.Витгенштейна.

Итак, если в *Трактате* Витгенштейна усмотрели проект *логического позитивизма*, то ориентацию *Исследований* расценили как *лингвистический* (или *терапевтический*) *позитивизм*. Основаниями для такой оценки служили приверженность Витгенштейна методам *анализа языка*, а также критическая направленность его нового подхода на преодоление концептуальных сбоев, замешательств, характерных для философской мысли. Однако такая направленность не привязана необходимым образом к позитивизму. Опыт истории философии показывает, что разработка *методов анализа* и борьба с

разного рода помехами («призраками») мышления, некритически принятыми (преднайденными) схемами рассуждения, – совместимы с разными философскими ориентациями. Вспомним процедуры «очищения разума» у Ф.Бэкона, «методическое сомнение» Р.Декарта, «феноменологическую редукцию» Э.Гуссерля и др. Особый интерес приверженцев «лингвистической философии» (1930–50-е гг.) к проблемам языковой «терапии» – не основание для заключения о безусловно позитивистском характере концепции.

Вряд ли именно о позитивизме свидетельствует и намеренно *атеоретичный* способ философствования, практикуемый в работах позднего Витгенштейна и его последователей, видящих в философии не логически стройное теоретическое учение, а особый род *деятельности прояснения*, экспликации смысла понятий, вопросов, размышлений. Если всерьез принять этот аргумент, то позитивистом пришлось бы объявить, например, и *Сократа*, не писавшего, как известно, трактатов, не читавшего курса лекций и не выстроившего *системы аргументов*. Ориентируясь на практическую *мудрость*, Сократ придавал особое значение *методу* рассуждения – расшатывания односторонних, ходячих представлений и формирования многогранных обобщенных понятий (главным образом нравственных, этических).

Представление о непременно позитивистском характере философско-языковой аналитики неверно. Сочетание в философии XX в. идей анализа языка с позитивизмом – скорее конкретно-историческое, чем принципиально-теоретическое обстоятельство. Аналитические методы могут сочетаться с весьма далекими от позитивизма философскими взглядами. Вспомним аналитическую концепцию Лейбница, платонизм Фреге и раннего Рассела, прагматизм Куайна, вариации философских позиций у философов Львовско-варшавской школы (материалистически ориентированный «конкретизм» Т.Котарбиньского и др.). Методы современного логического анализа языка и их успешное применение к решению многообразных, в том числе философских, задач – бесспорное достижение XX в. Другое дело – философское толкование этих методов, которое и по сей день не всегда бывает корректным. Но бесспорно одно: представление о принципиальном «родстве» новой логической техники и приемов анализа «живого», «действующего» языка именно позитивизму не проходит. Не удалось обосновать и тезис о том, что Витгенштейн и его последователи выступили с радикально *антифилософской* программой. Этот аргумент (важнейшее основание для отнесения концепции к позитивизму) не «срабатывает» ни для основной, исходной концепции, представленной в *Трактате* Витгенштейна, ни

для «классической» версии лингвистической философии, созданной им в 1930–40-х гг. В существенной корректировке – с этой точки зрения – нуждаются и оценки позиций, идей и методов, развитых его последователями, единомышленниками в 1930–50-е гг. (Г.Райл и др.), создавших интересные *философские* работы, чуждые позитивизму. Еще менее уместна подобная характеристика такого рода исследований для всего периода 60–90-х гг., отмеченного активной работой по «реабилитации» метафизики и восстановлению ее духовно-теоретических, мировоззренческих полномочий.

Мы рассмотрели в общих чертах поле философии Витгенштейна, ответственное за вразумительность интеллекта. Ясное видение, понимание вещей, концептуальная корректность, способность четко соотносить два «регистра» рассуждения – информативный и концептуальный, – умение размышлять, не впадая в путаницу. Не так уж мало. Однако ясность ума – это еще не все. Более важным Витгенштейн считает Дух, Высокое. На это он и ориентирует философствование. Это – темы «невысказываемого», того, что может быть лишь «показано», опыта «молчания» и, наконец, ценностей, «чуда» этического и др. Размышления Витгенштейна в этом философском диапазоне раскрывают величие его духа, его философии, которой, по-видимому, еще предстоит долгая и плодотворная жизнь. Такие темы требуют особого настроя, и они будут рассмотрены нами отдельно.

Примечания

- ¹ Объединения философов, историков науки, логиков, физиков, социологов и др., сложившегося около 1923 г. при кафедре истории и теории индуктивных наук Венского университета, которую – сменив в этой должности Э.Маха – возглавлял проф.Мориц Шлик.
- ² Далее: *Трактат*.
- ³ В суждениях о логическом позитивизме мы будем ориентироваться на Рудольфа Карнапа – крупнейшего логика и лидирующего философа «Венского кружка», – поскольку по стилю мышления, позициям, характеру исследований, и даже эволюции тем, интересов, это – типичный логический позитивист в наиболее сильном его выражении.
- ⁴ См.: Аналитическая философия: ее становление и развитие. М., 1998. С. 69-89.
- ⁵ Для ряда специалистов, изучавших вопрос, это не секрет, но во многих публикациях еще и сегодня философия Витгенштейна нередко толкуется как *позитивизм* (см., например, статью «Витгенштейн» в «Британской энциклопедии», 1996 и след.).
- ⁶ В эти годы утвердилось данное название, соответствующее же ему философское движение – детище и ровесник XX в.

- 7 См.: *Рассел Б.* Исследование значения и истины. М., 1999. С. 7. Кстати, симпатии были обоюдными: логические позитивисты с самого начала высоко оценили и восприняли логику-философское учение Рассела.
- 8 Первая, создававшаяся в 1912–1919 гг., была представлена в *Трактате*, а вторая, разработанная в 1930–1940-х гг., в «Философских исследованиях».
- 9 С именем Витгенштейна авторы ряда исследований связывают своего рода «революцию» («поворот») в философии, произошедшую, по их мнению, между двумя мировыми войнами.
- 10 См.: *Wittgenstein L.* The letters to B. Russell, Keynes and Moore. Oxf., 1974. P.14.
- 11 См. Указ. соч. С. 185, 295, 300, 301
- 12 Об этом говорят события его биографии тех лет.
- 13 Он воюет в артиллерии, на стороне Австрии (Восточный фронт), а в конце войны попадает в плен (Италия).
- 14 Между тем работа с текстами Витгенштейна – «Замечания по основаниям математики», «О достоверности» и др. – и тщательное изучение (уже с учетом этого опыта) *Трактата* и *Исследований*, расшатывает распространенное представление о его преимущественной ориентации на сугубо эмпирические методы познания.
- 15 *Витгенштейн Л.* Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994, с. 484–485.
- 16 Там же, с. 422.
- 17 См.: *Farrell B.A.* Inquiry into therapeutic positivism. // *Mind.* 1946; *Заиченко Г.А.* К вопросу о критике современного английского позитивизма. Харьков, 1971.
- 18 См.: *Нарский И.С.* Современный позитивизм. М., 1961. С. 33, 42, 118. Подобная точка зрения проводилась и в добротном диссертационном исследовании об эволюции позитивизма, выполненном Асеевым Ю.А. (ЛГУ, 1959), под руководством которого начинала исследование творчества Л.Витгенштейна автор данной статьи.
- 19 Далее: *Исследования*.
- 20 Там же. С. 77.
- 21 Современная буржуазная философия. М., 1972, гл. IX, # 11.
- 22 Там же. С. 420.
- 23 Там же. С. 419.
- 24 Признаться, их и тогда было трудно принимать всерьез. Они отражали преобладавшее в то время scientisticкое понимание философии и ее предмета. Но сказывалось и другое. Однажды в доверительном разговоре с И.С.Нарским я отметила: «Складывается впечатление, будто Вы боитесь отдать должное философам «лингвистической» ориентации», – а И.С. признался: «Да, боюсь». В свой же адрес от коллег чуть постарше себя я иногда слышала в те годы: «непуганое поколение». Но дело было не только в осторожности (страхе): сложна и непривычна по сути была сама концепция, тонкие языковые нюансы размышлений, которые в ней исследовались. Весьма компетентный специалист из Ленинграда, Ю.А.Асеев, допустивший немало погрешностей в переводе текстов Л.Витгенштейна (для издания, которое мы с ним готовили), с чувством вины признался мне в письме: «Это оказалось за порогом моей чувствительности» (1993).
- 25 См.: *Нарский И.С.* Современный позитивизм. М., 1961. С. 77.

- 26 Между тем Витгенштейн обоснованно отрицал саму возможность существования индивидуального (персонального) языка (авт.).
- 27 *Нарский И.С.* Цит. соч. С. 78.
- 28 Там же.
- 29 *Швырев В.С.* Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. М., 1966. С. 294 и др.; *Заиченко Г.А.* К вопросу о критике современного английского позитивизма. Харьков, 1971; *Богомолов А.С.* Английская буржуазная философия XX в. М., 1973. С. 262 и др. Общую характеристику философии Витгенштейна как разновидности позитивизма восприняла тогда и автор данной статьи. См.: *Козлова М.С.* Концепция знания в философии Л.Витгенштейна. Л., 1965 канд. дис.); Она же. Концепция знания в философии Л.Витгенштейна // Современная идеалистическая гносеология. М., 1968; Она же. Философия и язык (Крит. анализ некоторых тенденций эволюции позитивизма XX в. М., 1972 и др.
- 30 *Wolniewicz B., Rzeczy i facty.* W-wa, 1968. S. 18.
- 31 См.: *Лекторский В.А.* Аналитическая философия сегодня // *Вопр. Философии.* 1971. № 2. С. 187-188.
- 32 Пожалуй, слишком емкое, поскольку подлинную, серьезную философию трудно представить себе *неаналитичной* в принципе. Поэтому, может быть, стоит писать условное название «аналитическая» в кавычках.
- 33 *Carnap R.* Autobiography // *The philosophy of R.Carnap.* L., 1963. P. 25-26; *Engel S.M.* Wittgenstein's doctrine of the tyranny of language. The Hague, 1971. P. 73; etc.
- 34 *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат/ Людвиг Витгенштейн. Философские работы. Ч. 1. М., 1994. С. 18-19 (4.003). Далее ссылки на «Логико-философский трактат» даются в тексте – указание в скобках номера афоризма.
- 35 Витгенштейн высоко ценил величайшие метафизические произведения прошлого – труды Платона, Канта, Августина. Показателен круг его чтения. Первой философской книгой, прочитанной в шестнадцать лет по совету сестры, был труд А.Шопенгауэра «Мир как воля и представление». У него вызвали восхищение «великолепные труды Фреге», созданные в апогее творчества лучшие логические и логико-философские работы Рассела. Вместе с тем он любил читать Ницше и Кьеркегора, получал удовольствие от работ УДжемса, с интересом читал мистиков и др.
- 36 *Strond B.* Wittgenstein's philosophy of mind. Contemporary philosophy. A new survey. Philosophy of mind. The Hague (Boston). Vol. 4. L., 1983. P. 321.
- 37 И отныне это станет характерным для него приемом постановки философских проблем.
- 38 С подобными противоречиями столкнулись исследователи оснований математики (Кантор, Фреге, Рассел и др.), и выход из них предложил Рассел в своей теории логических типов.
- 39 Слово «естествознание» Витгенштейн применяет расширительно, использует в широком смысле. Естественным он называет любой предмет (явление, ситуацию, процесс), рассматриваемый объективно, как нечто фактическое — с точки зрения его элементов, структур, причинных связей, закономерностей. Естествознание по существу приравнивается к науке, изучающей те или иные реалии именно таким образом. Так, философ считает возможным подходить к арифметике как натуральной истории (минералогии) чисел и поясняет, что все наше мышление пронизано этой идеей (Витгенш

- тейн Л. Замечания по основаниям математики // Витгенштейн Л., Философские работы. 4.2. М., 1994, с. 123), что математика кажется нам то натуральной историей чисел, то собранием правил (там же, с. 124). В том же духе в текстах Витгенштейна говорится о «естественной истории людей» (этнологии и др.), об изучении естественных (реальных, фактических) проявлений того, как и что мы говорим в разных ситуациях и др.
- 40 Это явно перекликается с мыслью Канта о том, что склонность к метафизике неодолима в человеческом интеллекте.
- 41 Это может быть ткань, сработанная на ткацком станке, пройденные машиной километры пути, материал, отформованный прессом и др.
- 42 Философ предупреждал: «Меня нужно читать медленно, как читаю я сам». В самом деле, только так схватываешь мысль. Эта рекомендация философа перекликается с его замечанием: в философских гонках выигрывает тот, кто позже всех приходит к цели. По его мнению, девизом для читателя философского текста должно было бы быть: Не торопись!
- 43 В данном случае это вопрос не столько перевода, сколько интерпретации, хотя к недопониманию мог подталкивать и перевод: один из первых читателей *Трактата*, Б. Рассел, в той или иной мере воспринимал текст в «зеркале» родного ему английского языка. Возможно, немалую роль в разночтениях – при освоении *Трактата* философским сообществом – сыграло полнопровное существование наряду с авторским, немецким, текстом (1921), его английской версии (1922) и тесная связь философской – педагогической, исследовательской – деятельности Витгенштейна с Англией (1911—1914 и 1929—1951), значительное влияние его идей в англоязычном мире. При том что он не вполне свободно владел английским языком и не всегда мог (тому есть документальные свидетельства) разъяснить, как точнее выразить его мысль по-английски.
- 44 С точки зрения перевода это связано с четким разграничением и соотнесением терминов: *Sachverhalt*, *Sachlage*, *Tatsache*.
- 45 Это – характерные метафоры Витгенштейна: язык вуалирует, переодевает мысли, заставляя нас принимать фразы не за то, что они есть на самом деле.
- 46 Вспомним о названии упомянутой статьи Карнапа. Она начинается со слова *Überwindung* – устранение, преодоление (и относится это к фразам *метафизики*, которые и характеризуются как *бессмысленные*, засоряющие науку, подлежащие удалению).
- 47 См.: *Козлова М.С.* О переводе философских работ Л. Витгенштейна (Ответ на реплику) // Путь. 1995. № 8. С. 391-401; разд.: Особого рода фразы.
- 48 Как не выявлены и варианты его разных прочтений – слитно с приставкой «бес» и с мысленно добавляемым дефисом (бес-смысленный) и др.
- 49 В данном случае создается впечатление, что философ, как бы играя с читателем, подталкивает его к формуле: философское утверждение бессмысленно, но не бессмысленно.
- 50 Ср. высказывание Г. Когена: «Философия – это не доктрина, а критика». Мнение же о позитивистском характере концепции Трактата сегодня уже преодолено немалым числом исследователей.
- 51 Т.е. мысли часто бывают «ряжеными», переодетыми в одежды, характерные для мыслей совсем иного рода. В результате их принимают не за то, что они есть. Возникает неимоверная путаница.

- 52 Скажем, такие: «Каковы конечные составные части реальности?», «Может ли мыслить?», «Можно ли измерить время?», «Возможно ли иметь неосознанные мысли, чувства?», «Возможно ли пережить чувственный опыт другого человека?», «Возможен ли персональный язык?» – Примеры вопросов взяты из «*Философских исследований*» Витгенштейна, где конкретного материала значительно больше, чем в *Трактате*.
- 53 Кстати, философ использует здесь характерный прием концептуального прояснения – изменение смыслового акцента: *решение – разрешение* (труд ности), выход из тупиковой ситуации.
- 54 Или, как любят говорить сегодня, их *ментальность*.
- 55 Но верно и обратное: нам ясно, как реально обстоит дело (в случае истинности предложения), если ясен смысл предложения. Т. е. это аналитическая фраза, напоминающая математическое уравнение, где левая и правая части по сути эквивалентны и вполне могут меняться местами.
- 56 Напоминаю еще раз о расширительном понимании в текстах Витгенштейна слов «естествознание», «естественные науки». Они, по сути, означают любое знание, основанное на фактах, на изучении того, что реально есть или было, «естественную историю людей» и др. Т. е. речь идет о конкретно-научном знании вообще, фактуальном по природе, т. е. базирующемся на отдельных фактах и их суммировании, обобщении.
- 57 В этой связи вспоминается английский анекдот о ребенке, долго не проявлявшем никаких навыков речи, но вдруг заявившем, что пригорели гренки. На возглас родителей: «Так ты умеешь говорить, почему же так долго молчал?», – ребенок ответил: «До сих пор все шло нормально».
- 58 Здесь слышен мотив Ницше: «Человеческое, слишком человеческое!» – Правила не являются «божественными сущностями» (в духе Платона), но устоявшейся практикой.
- 59 Философские фразы-правила «вклиниваются» в рассуждение как ступеньки для перехода к следующей его стадии. Так при решении задач или доказательстве теорем, переходя к следующему шагу рассуждения, мы напоминаем себе о правиле, фундирующем такой переход (например: «если две величины порознь равны третьей, они равны между собой»). Подобных правил-ступенек очень много и чаще всего, уже освоившись, мы не произносим их в развернутом виде и вслух.
- 60 Новые методы логического анализа (теория описаний, идея и метод теории логических типов и др.) позволили Расселу «навести порядок» и вывести, освободить математику из «логического ада». Эйфория продолжалась в течение двух десятилетий, – до тех пор, пока Курт Гедель не разрушил иллюзию самой возможности «логического рая» в математике.
- 61 Этот парадокс изложен в «Философских исследованиях», а также в «Замечаниях по основаниям математики».
- 62 К такой уловке иногда прибегают дети: совершив, например, досадную ошибку в игре, они говорят, что играют в эту игру так (что для них это является правилом). Понятно, в этом проявляется еще не устоявшееся чувство

логики языка.

⁶³ Он широко известен и вызвал международную дискуссию, стимулом для которой стала работа С.Крипке.

⁶⁴ Кстати, метод языковых игр в действии выступает в этом и многих других случаях как метод спекулятивной (умозрительно-экспериментальной) антропологии.

⁶⁵ Платон, например, предостерегал против введения законов, идущих вразрез с укорененными традициями, обычаями народа.

⁶⁶ Иное дело ловушки реальные, — представим себе, цвета дорожных сигналов (красный и зеленый) резко, по приказу начальства, меняют значение на прямо противоположное.

⁶⁷ А это весьма типичное затруднение. Подобных примеров можно привести много.

⁶⁸ В этой рекомендации Витгенштейна улавливается мотив Ницше.

⁶⁹ Одним из примеров этого может быть расхождение юридических норм и практики в вопросах авторского права, известное многим на личном опыте.

⁷⁰ Теорема К.Геделя о принципиальной неполноте формализованных систем типа «Principia Mathematica» Рассела и Уайтхеда.

⁷¹ Запутаться «как птица в силке» — если воспользоваться метафорой Гоббса, или: «как муха в мухоловке» (Витгенштейн).

⁷² Это стало понятно, в частности, благодаря работам К.Геделя начала 1930-х годов.